

тить Кубань, Горцы — Терек, а потому, по мнению Гладкова, нужно смиренно сложить свои лапки и просить прощенья у русских...

— Чертков приветствует докладчика за его обстоятельный доклад, ибо свое будущее мы сможем хорошо построить, если мы будем знать хорошо наше прошлое. Изучение нашего прошлого дает нам ключ к пониманию того — кто наши истинные союзники, кто — враги. Затем он горячо и дельно возражает Быкадорову и Гладкову, что вызывает дружные аплодисменты аудитории.

— Молодой донец Захаров выражает свое удовлетворение по поводу доклада и столь же горячо возражает Быкадорову и Гладкову. Вы говорите нам, что Грузия — ерундовый союзник, ничтожная, бессильная страна, никакого значения для нас не имеющая. А я спрашиваю вас, почему на всем протяжении этих 12 лет только эта „ничтожная страна“ борется с большевиками непрерывно, почему только там происходят противосовские восстания, а ваш „великий русский народ“ не издает и звука?..

— Быкадоров просит слова, чтобы ответить на поставленный ему Гладковым вопрос — является ли Казачество нацией? и говорит, что понятие нация — сложное понятие, понятие государственное. Есть, например, американская нация, но Америка населена различными народами. „Я в своем исследовании говорю, что „Казачество — особый народный организм“. Но это вопрос — чисто теоретический, для политической цели В. К. решающего значения не имеющий, ибо один и тот же народ может образовывать отдельные государства, как, например, один немецкий составляет два государства — Германию и Австрию. Я продолжаю оставаться вольным казаком, ибо я казак на все 100%, ни от одного своего слова, прежде сказанного, я не отказываюсь. Я категорически протестую против утверждения, что В. К. — „измена“, „предательство“ России. Никакой измены, никакого предательства нет и не может быть! Ибо все обязательства Казачества разрушены революцией и осталось только пустое место, на котором можно строить какое угодно здание! Но я откровенно говорю — перестал верить в осуществимость этой цели. Невозможно осуществить... Если вы веруете, то в добрый час, дай Бог вам успеха. Кто верует — веруйте, но делайте дело, ибо вера без дела — мертвая вещь. Делайте, действуйте, если у вас будет дело, я рад буду служить вам и в качестве рядового... Но сейчас у меня нет веры... За 4 года В. К. почти ничего не сделало. В этом, конечно, не виноват ни Белый, ни Быкадоров, ни другой кто, а казачья инертность, отсутствие у казаков готовности к материальным жертвам во имя общего дела. Казак готов пожертвовать и руками и ногами, и головою и жизнью, но вот материальные жертвы он не может делать. Я спрашиваю вас — внесли ли вы подписную плату за журнал „В. К.“? Я уверен, что нет... Нельзя винить чужих „вождей“. Ведь из казачьих министров 70% оказались ворами... Нужна жертвенность, а казачество выдохлось“...

(Окончание следует).

Доклад Ш. Н. Балинова в г. Лионе.

Недавно возникший в г. Лионе „Союз Вольных Казаков“, устроил 11 октября с. г. в своем собственном помещении (Grand Café — Restaurant Terminus, place Ronde, Montchat, Lyon — terminus tramv. № 2) — доклад Ш. Н. Балинова, специально прибывшего в г. Лион из г. Парижа.

„Чем стало Казачество“ — тема доклада Ш. Н. Балинова — привлекла в помещение Союза Вольных Казаков свыше ста казаков, которые — надо отдать справедливость — явились дисциплинированными и внимательными слушателями.

Нечего и говорить о том, что доклад прошел с блестящим успехом, как для самого докладчика, так и для дела развития вольно-казачьего движения в г. Лионе. Касаясь последнего, отметим, что на докладе Ш. Н. Балинова присутствовал и ряд французских журналистов, каковое обстоятельство, является весьма показательным фактом в наши дни... Предполагая, что доклад Ш.

Н. Балинова „Чем стало Казачество“ (сделанный им в г. Лионе), будет напечатан на страницах журн. „Вольное Казачество“, или же выйдет отдельной брошюрой, не будем цитировать его построчно, а отметим лишь некоторые основные „яркие“ моменты...

— „Был казачий народ. Давлением гнетущего бремени Российских государственных верхов — появилось „казачье сословие“, и как прямое следствие „руссификации Казачества“ — расказаживание казаков со стороны — нынешних хозяев России.

Полное гражданское бесправие казака в России (и царской, и республиканской, и большевицкой), расхищение Казачьих Земель со стороны Российских властей, тягостная военная служба, оскудение и обнищание Казачества и — безусловное злоупотребление русской властью казачьей военной мощью... суть веки пути пребывания Казачества в составе России“. Так в кратких чертах можно представить сущность доклада Ш. Н. Балинова.

Оппонировать докладчику никто из присутствовавших казаков не докладе не пожелал, лишь только один есаул П. П. Лаврентьев (терец) встал и сказал: „Бесполезно г. председателю собрания предлагать высказаться по существу доклада, ибо то, что говорил докладчик есть сущая истина, знакомая казаку еще с детства“.

Действительно, ни один из присутствовавших на докладе казаков, ничего не сказал противного по существу доклада „Чем стало Казачество“.

Все что говорил Ш. Н. Балинов — так близко, так дорого, так просто и понятно каждому казаку, но не тем нескольким „казакам“ из „Родимого Края“, которые в данное время огрызаются, как какие-то шавки, кривя и душой и разумом...

Можно полагать, а вернее рассчитывать, что в недалеком будущем, Ш. Н. Балинов зачитает вновь доклад в г. Лионе, чем доставит много удовольствия для всей казачьей колонии в г. Лионе.

А. К. Ленинов, предст. журн. „Вольное Казачество“ в г. Лионе, председательствовавший во время доклада, по окончании оного сказал краткое благодарственное слово от имени собравшихся казаков, по адресу Ш. Н. Балинова.

Кончился доклад, были сдвинуты столы и стулья, запенилось вино в стаканах, полилась старинная казачья песня, ударились в танцы — лихие танцоры, вольные казаки г. Лиона чествовали своего дорогого гостя — Ш. Н. Балинова — ред. журн. „Ковыльные Волны“ и пред. калмыцкой национальной группы „Хальмак-Тангачин-Тук“.

Поздним вечером, разошлись вольные казаки по домам, выпив по предложению С. С. Настюшева — предс. Союза Вольных Казаков г. Лиона, последний бокал вина в честь редактора журн. „Вольное Казачество“. Здравица председателя Союза В. К., была покрыта долго несмолкаемым уралом.

10-го октября местное представительство журн. „Вольное Казачество“ в г. Лионе давало официальный ужин в честь Ш. Н. Балинова, как своего собрата-сотрудника по журн. „В. К.“.

(Соб. кор.).

По стопам Богаевского и Мельникова?

(Письмо из Югославии.)

На так давно Казачество во Франции было взволновано грубыми словами Донского Атамана, брошенными по адресу тех казаков, которые отказались пойти совместно с эмигрантскими организациями на могилу Неизвестного Французского Солдата, отстаивая свое право и достоинство в глазах французского народа. Не так давно Атаман Богаевский отказал казаку Шамбе Балинову в праве быть выбранным казаками состаничниками, а уже по всей Югославии, в „Кавказском Казаче“, Кубанский Атаман громит Шабацикую станицу и ее атамана — П. И. Иконникова, вызывает казаков, подписавших приговор № 3, бунтовщиками, а атамана Иконникова — преступником, продававшим „заведомо краденные вещи“ и т. д. и т. д. Мало того одним росчерком пера несколько десятков казаков, бой-

цов за лучшую долю Кубани, вычеркиваются из списков Кубанской канцелярии, как бы лишаемые тем самым на участие в зарубежной казачьей жизни.

Но... подобные инциденты бесследно не проходят. Они, и против желания, останавливают на себе внимание рядового казачества, занятого борьбой за кусок хлеба и молчаливо следящего за тем, как постепенно вождями не только забываются заветы старых казаков, но и ругаются присяги, не исполняются Конституции, подменяются те святые лозунги, за которые Казачество шло на смерть на свои Войсковые Грани, бросаая на гибель своих детей, а имущество и женщин — на поток и разграбление.

И те, кто следят, те следят с неослабеваемым вниманием, так как не далеко то время, когда казаки скажут:

Ну, довольно, поиграли нашими головами, станьте в сторону...

Но пока этого не случилось, еще есть среди нас много доверчивых и неосторожных, которые, неразбравшись во всем происходящем, вдут слепо за теми, кто ничего не дал Казачеству, кроме изгнания, унижений и позора.

В последнем номере „Кавказского Казака“ Осецкая станица вынесла Шабачкой станице порицание. Сделано это преждевременно. Для того, чтобы выступить против своих же братьев, казаков, надо послать хотя бы человека, чтобы ознакомиться на месте с теми событиями, которые произошли в городе Шабаце, а не выносить постановлений на основании только приказов.

Собака во всем этом зарыта гораздо глубже, чем это кажется читающим распоряжения и приказы „Кавказского Казака“.

Атаман П. И. Иконников накрыл некую теплую компанию, которая не только злоупотребляла доверием сербского народа, но и занималась форменным мародерством, расхищая вещи умерших казаков, как это проделал, напр., Председатель Русской Колонии г. Лепилкин (см. постановление Шабачского суда, где атаман Иконников назначен судом обвинителем и опекуном, как атаман и уважаемым всеми сербами казак) над имуществом умершего казака полковника Давыдова. Будучи человеком сильной воли, он один, карая неправду, пошел против всей эмиграции власть имущей, не останавливаясь даже перед высылкой за границу Королевства. Так враги, боясь, что вся история выльется наружу, составили на него донос и обвинили в большевизме. Это излюбленный способ, чтобы в 24 часа убрать человека из Югославии, направив его по этапу в лапы большевиков. И это бы случилось, так как одно лицо, всесильное среди российской беженцев, поставило на доносе соответствующую резолюцию, если бы не семь сербов, почетных казаков станицы, начиная с Епископа Михаила и кончая видными гражданами и администраторами города Шабаца, не встали как один на его защиту и не взяли бы его на поруки, зная кому и почему надо убрать Иконникова. Влиятельное лицо получило по носу, увидев у себя в канцелярии возвращенный Министерством донос. Тогда в экстренном порядке делается нажим на Кубанского Войскового Атамана — убрать во что бы то ни стало Иконникова, опозорить в глазах казаков, вырвать у него из рук сильную и многочисленную станицу. Разговор этот, где Атамана уговаривали „просто приказать“, слышал совершенно случайно Атаман Общеказачьей Студенческой станицы. По ходу событий было несомненно, что говорилось о Шабачких казаках.

В. Атаман ген. Науменко сел писать письмо...

Многоуважаемый Павел Иванович!

Вы хотели в прошлом году сложить с себя полномочия, так вот теперь для общего блага это необходимо сделать. Сложите с себя полномочия, но кандидатуру свою выставьте, и если Вас опять выберет большинство, то я заставаю меньшинство считаться с совершившимся фактом...

Хитрый подход, но Иконников снял с себя полномочия и после этого был трижды выбран большинством казаков. Как же поступил ген. Науменко? Желая во что бы то ни стало избавиться от Иконникова, он не

сдерживает своего атаманского слова, не утверждает Иконникова, а посылает своего помощника ген. Звягинцева „расследовать“ дело. Тот с места же оскорбляет весь сбор своим заявлением, что он не может открыть сбор, на котором собралась почти вся станица, не видя среди присутствующих двух человек (Лепилкиных, даже не членов станицы). А на вопросы казаков стал говорить, что он распустит станицу.

Громко сказано „распустит станицу“.

Выслушав несколько приятных слов, ген. Звягинцев покидает Шабац.

За ним приезжает Атаман. Его окрик: сесть!.. сбору показал, как и с какими намерениями приехал Батка-Атаман. Вместо того, чтобы посетить Правление и тех казаков, которые всегда ему оказывали почет и гостеприимство, которые считались одной из сильных станиц в Югославии, и как сказал в речи своей П. И. Курганский, были гордостью и примером для всех остальных, он отправился к председателю Русской колонии, проживающему где то на задворках, в курнике, г. Каско, и спрашивал его: доволен ли он казаками и т. д.

Сбор был очень бурным, это видно и из приказа Атамана. Его покинули сербы почетные казаки, которые прямо высказали ген. Науменко в лицо свое мнение, его покинул и атаман Иконников с 40 казаками, как пишется в „Кавказском Казаке“. Этих ушедших было значительное большинство.

Подобрав противников старой станицы, которая получила и землю для постройки Казачьего Дома, и всякие пожертвования, и завоевала симпатии жителей Шабаца, создали в городе Шабаце — вторую станицу, Атаманом выбран Калядин. Этот Калядин живет в 25 километрах от Шабаца. Такой выбор показывает, что Атаману совершенно не важно, живет ли станичный атаман с казаками или за тридевять земель, а цель одна — убрать и убрать во что бы то ни стало человека не удобного русской эмиграции, который прлвк с плеча рубить правду, карать и сажать на скамью подсудимых и председателей, и полковников.

Теперь в Шабаце две станицы. Одна независимая, другая безголовая, управляемая двумя помощниками атамана, удобными В. Атаману.

Так развалена в угоду кому то сильная и стойкая станица.

Есть почему Осецкой станице вынести постановление с порицанием. Но пусть скажут казаки, положи руку на сердце, кому надо вынести порицание и за что...

Не успел еще временный атаман, полковник Гливенко, принять должность временного атамана станицы, согласно приказу (перед выборами Калядина), как он уже явился к Иконникову с требованием сдать все станичные суммы, кровью и потом заработанные казаками. Иконников сказал: если Кубанский Атаман хоть копейку положил в нашу станичную казну, пусть требует через суд, а я денег казачьих не дам.

Тогда противники нашли одного казака-пьяницу, которого напоили пьяным, и который, ворвавшись к Иконникову, ударил его по лицу. Иконников обладающий огромной физической силой и тут сдержал себя. Пьяницу выкинули на улицу бывшие в магазине люди.

До чего могут дойти люди: обвинить человека, станичного атамана еще на Кубани, офицера, в большевизме, обвинить в соучастничестве вора, когда у Иконникова есть все документы от судов, где говорится, что он ни разу не лишался гражданской чести, наконец подослать человека избить его, опозорить всю станицу, назвав бунтовщиками, разнести всю эту мерзость и грязь на страницах „К. К.“ по всем странам, пользоваться тем, что за Иконниковым идут простые казаки, и сам он такой-же, молчаливый и сдержанный, не может ответить достойно, это ли не факт в достаточной степени рисующий, как верхи понимают и поддерживают своего брата казака. Это ли не показывает, что Атаманы до сих пор не могут найти достойный язык, на котором надо разговаривать со своим народом, и не говорит ли это о том — подходят ли они на роль вождей миллионного Казачества...

Сербы-Шабачане поняли казаков и помогли им в их несчастье, спасли станичного атамана, оградили своими законами и этот жест многие казаки не забудут, ибо

казак тем, кто его понимает и помогает ему отстаивать свои права и уклад своей казачьей жизни, сумеет и достойно отплатить...

(Соб. кор.)

От редакции: Фактическую сторону настоящего сообщения оставляем на ответственности автора этой корреспонденции.

В Париже.

В 12-й год трагической смерти члена Кубанской Рады священника А. И. Кулабухова, Обществом Ревнителей Казачества в Париже будет отслужена панихида в православной церкви в Биянуре (136 rue Poit du jour), где будут помянуты все вожди, за Казачество живот свой положившие.

На панихиду приглашаются все казаки всех казачьих Войск.

Панихида состоится 21 ноября в субботу в 7 часов вечера.

Правление.

„Войсковой праздник“ 18 (5 октября) в Ромба.

Прежде всего считаю нужным сказать пару слов об атамане Общеказачьей Доброводской ст., по инициативе которого с такой „помпой“ был „отпразднован“ день 18 (5) октября.

В прошлом, в то время, когда атаманом станицы был ген. Васильев, а затем Михайлов, акции г. Алексеева, в настоящее время атамана ст., совершенно не катировались. Однако, жажда что-то „творить“, вернее играть какую-либо „общественную роль“ не давала ему покоя ни днем, ни ночью.

Этот беспринципный господин поступался в конце концов в двери „Союза возвращения на Родину“. Есть два типа людей поступающих в этот союз. Первые — изверившиеся во всем, истосковавшиеся по семье люди, желающие только вернуться домой; вторые-же, это самые гнусные не люди, а людишки, поступающие в лагерь своих вчерашних противников, дабы там воспользоваться хоть и не большим, но все-же лакомым куском, играть хоть и не большую, но все-же и не последней пешки роль.

Какую роль играл г. Алексеев в „Союзе возвращения на Родину“, — нужно спросить его самого. Во всяком случае тот факт, что г. Алексеев, баллотировавшись в атаманы Общеказачьей Доброводской ст., всячески старался провести в писаря ст. г. Фролова, секретаря „С. В. на Р.“, говорит за то, насколько близким человеком был в этом союзе г. Алексеев.

Я не буду останавливаться подробно на предыдущих выборах в которые г. Алексеев незаконно проходил в атаманы ст., как и в этом году, а скажу лишь вкратце. Для того что-бы попасть в атаманы ст., этот господин в никаких средствах не стеснялся, дохода даже до того, что допускал на выборы лиц весьма сомнительной репутацией и не только не казаков, но и никогда не живших в Казачьих Краях. Это он мог себе позволить, ибо станицы, как таковой, фактически не существовало, даже списка членов станицы не было, и пользуясь этим, г. Алексеев предоставлял право баллотировать исключительно желательному для себя элементу, а остальным указывал на двери.

Никакие выступления, никакие протесты на этого господина не действовали и не действуют. Как и в предыдущих выборах, так и в выборах этого года г. Алексеев прошел незаконно в станичные атаманы и незаконно был „всемилостивейше“ утвержден ген. Богаевским.

А незаконно, вот почему. Зная настроение явно-враждебное по отношению к себе своих хуторов, г-н Алексеев не допустил их до выборов. Никакие протесты в письменной форме ген. Богаевскому, никакие выступления положительных результатов до сегодняшнего дня не дали.

Протесты выявились в конце концов в том, что многие казаки раньше не состоявшие в станице, но же-

лавшие войти в нее, отказались от этой мысли, а состоявшие в станице вышли из ее состава.

Но это нисколько не смутило г. Алексеева, говорившего неоднократно одному из членов правления, которым был поднят вопрос о составлении хотя-бы списков станицы, не существовавших в течении 6 лет, — „Если не пожелают войти в станицу казаки, то все-же я соберу человек 30 верных и станица наша будет существовать.“

Такого господина ничем не прошибешь. Ему не дорого объединение казаков, а дорого положение, которое он занимает.

Ген. же Богаевскому нужна хоть и фиктивная станица, но все-же станица, дабы внести ее в список быть может таких же 120 станиц, именем которых выступать затем на страницах „Р. К.“, обливая грязью „Вольное Казачество“.

Мне кажется, я достаточно уже коснулся личности г. Алексеева, так что теперь могу перейти и к описанию дня „Войскового праздника“, так по „казачьи“ устроенного им 18 октября.

Я не буду касаться того вопроса: следовало или не следовало праздновать день тезоименитства б. наследника как Войсковой праздник. Вольному — воля. Мы, вольные казаки, не празднуем и не праздновали в тот день.

Итак, к 10 часам 18 октября к церкви подкатывает автомобиль. Приехал атаман со своим окружением. После обеда был отслужен молебен. Панихида же отслужена не была. Атаманы и казаки, положившие жизнь свою за Родные Края в борьбе с московской нечистью, атаманом Доброводской ст. были забыты.

Вообще должен сказать, что в течении пребывания на посту атамана ст. г. Алексеевым панихида не была отслужена ни разу.

Затем г. Алексеев со своими гостями, членами русской колонии г. Кыотажжа, направляется в канину, где уже ждет их стол, обильно заставленный бутылками вина и эстрада, украшенная русским и французским флагом.

Но где же наши казачьи флаги? Их нет! Они так же забыты г. Алексеевым, как забыты атаманы и казаки, погибшие за свободу Казачества на полях Дона, Кубани и Терека.

В сущности говоря, удивляться нечему. „Каков поп, таков и приход“. Если ктонибудь из читателей был на квартире г. Богаевского в Париже, тот отлично знает, что квартиру выборного Атамана Войска Донского украшает не казачий флаг, а русский.

Чему собственно удивляться? Можно только возмущаться наглостью этих господ, прикрывающихся казачьим именем ради своих личных целей, но отнюдь им не дорожащих.

С первым тостом выступил г. Алексеев. Это была не речь, а какие то истерические выкрики оратора 17-го года, повергшие в уныние даже его окружение. „Мы страдали!.. Мы умирали!.. Ура!“

И только минут двадцать спустя, после столь блестящей речи, вспомнил, что следует спеть гимны. Но уж лучше было бы и не вспоминать. Это была последняя выходка, оскорбляющая Казачество.

Запели Донской гимн. Правда, встали все, но Боже! — с каким неуважением пелся наш гимн! Руки у некоторых присутствующих были запущены в карманы, небрежные позы, слова первого куплета о Свободе, а запели „К Туркам в гости снаряжает, чтоб добыть России мир“. На этом „праздник“ в канине закончился.

Лучше было-бы если-бы он вообще не начинался.

С. Поляков.

В Белграде.

Глубокоуважаемый г-н Редактор!

Прошу не отказать и поместить на страницах „Вольного Казачества“ нижеследующее:

18 сего октября в день тезоименитства бывшего наследника престола бывшей Российской Империи в Белграде Казачье представительство и комиссия назначенная Куб. Войск. Атаманом устроили кубанский вечер с концертным отделением, для чего был приглашен